

Виктор Алеветдинов

По ту сторону школьного снимка

Современное фэнтези

18+

Виктор Алеветдинов

По ту сторону школьного снимка

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

По ту сторону школьного снимка / В. Алеветдинов — «Автор»,
2026

Недавно мы с одноклассниками встретились через сорок пять лет после школы. Нас собралось двенадцать из сорока. Встреча так меня впечатлила, что захотелось написать рассказ — и немного пофантазировать. Что, если со старого школьного снимка можно шагнуть в прежний класс? За дверью кафе оказывается школа воспоминаний. Здесь можно встретить себя мальчишкой и услышать знакомые голоса. Только парты теперь тесны, воспоминания расходятся, а друзья отвечают совсем не на те вопросы. Виктору хочется собрать для общей фотографии всех сорока с прежнего снимка. Пока он увлечён невозможным кадром, один из сегодняшних друзей уходит незамеченным. Обратная дверь открыта — но захочет ли он вернуться к тем, кто помнит его прежнего и так редко спрашивает о нынешнем?

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место за столом	5
Глава 2. Сорок на бумаге	7
Глава 3. Дверь рядом с ужином	9
Глава 4. Мел на ладони	11
Глава 5. Мой прежний возраст	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Алеветдинов

По ту сторону школьного снимка

Глава 1. Место за столом

К трём часам я уже переносил стул через зал китайского кафе, стараясь не задеть женщину с чашкой. Женщина прижала чашку к себе, а её спутник убрал куртку с дороги. Возле стола, к которому собирался пристроить свою ношу, сидели совершенно незнакомые люди. Пришлось остановиться со стулом в руках и поискать глазами Татьяну.

Она стояла у входа и показывала администратору переписку в телефоне. На сегодня у неё был заказан отдельный зал для встречи одноклассников. Администратор сверилась со своей записью, попросила подождать и ушла за стойку. Стул становился тяжелее. Поставить его посреди прохода было нельзя. Витя подошёл сбоку, взялся за спинку и помог развернуть стул.

— Ты сначала спроси, их ли это встреча. Вдруг у них интереснее.

За чужим столом засмеялись. Мы отступили к стене, где уже теснились наши. Татьяна вернулась с объяснением: в записи перепутали залы, но небольшую комнату в конце коридора сейчас освободят. За столом там могли разместиться все двенадцать. Администратор извинилась и попросила несколько минут на сервировку.

Татьяна убрала телефон в сумку. Я предложил считать недоразумение хорошим началом будущего рассказа о встрече. Она посмотрела на стул, который мы с Витей всё ещё держали, и попросила сначала помочь ей перенести вещи.

— Сегодня я тоже хочу посидеть.

Она потёрла переносицу, и я решил пока отложить сочинительство. Я подхватил её сумку, а Витя понёс стул следом за администратором. В конце коридора нам открыли дверь. В комнате пахло жареным луком, официантка протирала стол. Татьяна проверила, хватит ли мест, и лишь после этого сняла пальто.

Мы начали рассаживаться и сразу помешали друг другу. Витя отодвинул свой стул, чтобы пропустить Ирину, я передал через стол стопку тарелок. Одна оказалась лишней и вернулась ко мне. Пока искал, куда её поставить, место рядом со мной уже заняли. Через сорок пять лет после школы я легко узнавал лица, но пока не понимал, кто с кем собирался разговаривать.

Олег отступил к двери, поднял телефон, посмотрел на экран и перешёл к другому углу. В кадр попадала половина компании. Он попросил меня чуть подвинуться, попробовал ещё раз и объявил, что для общей фотографии придётся освободить комнату от стола. После этого даже Татьяна улыбнулась.

Сергей тем временем вынул из сумки бутылку своего вина. Виноград он вырастил сам и теперь рассказывал, как укрывал лозу на зиму. Особенно беспокоился весной, когда пришлось открывать её позднее обычного. Я хотел спросить почему, но Серёга поставил рядом бутылку с крепким домашним напитком и спросил, где взять ещё рюмок.

Серёга, наш пожарный, подвинул её к Сергеевой. Я убрал обе подальше от края. Сергей договорил про лозу уже мне, а его сумку мы пристроили под стулом.

У Вити за спиной снова образовался затор. Он встал, пропустил официантку с блюдом и помог Александру повесить куртку. Для Александра оставался стул возле меня, я даже отодвинул его от стола, но он задержался.

— Здесь можно?

Я подтвердил и убрал с сиденья свою салфетку. Хотелось сказать что-нибудь о том, что у нас все свои, однако Александр уже сел и принял у меня тарелку. Витя наконец устроился, но тут же потянулся поправить загнувшийся край скатерти.

Вот его я узнавал без труда. В школе он тоже сначала помогал соседу, а потом обнаруживал, что сам ещё не открыл тетрадь. Татьяна по-прежнему добивалась ответа, когда остальные уже переходили к следующему делу. Из этих привычек складывалось удобное начало: нас всего двенадцать, а сесть не можем, словно снова целый класс.

Олег предложил сделать первый снимок, пока стол не заставили блюдами. Я поддержал и попросил на минуту посмотреть в его сторону. Ира подняла голову от меню, однако официантка как раз уточняла у неё заказ. Татьяна стояла рядом и проверяла, на сколько порций рассчитано принесённое блюдо. Александр подался назад, стараясь не закрыть меня плечом, и почти исчез за Сергеем.

Я предложил всем сдвинуться к середине. Олег показал, где встать, но Витя уже поднялся пропустить официантку. На экране телефона мелькнула его спина. Олег опустил руку и дождался, пока блюдо окажется на столе.

Мне казалось, достаточно выбрать минуту, когда никто ничего не передаёт. Я пообещал собрать всех чуть позже, после заказа. Олег кивнул и сел у края, положив телефон рядом с тарелкой. Только тут я заметил, что сам Олег в кадр не попадёт. Решил, что потом разберёмся с таймером, и повернулся к Татьяне: она наконец сядила.

На коленях у неё лежала раскрытая сумка. Татьяна вынула большой бумажный конверт и пристроила его возле своей тарелки. Край конверта оказался прижат блюдом. Я приподнял посуду, Витя освободил участок скатерти. Татьяна вытянула конверт, достала фотографию и положила перед нами. Александр наклонился ближе. Я подвинул свою тарелку и протянул руку к снимку.

Глава 2. Сорок на бумаге

Я придержал фотографию за угол, пока Татьяна расправляла конверт. Снимок был меньше, чем помнилось, и все сорок человек помещались на нём так тесно, что сначала пришлось поискать себя. Нашёл во втором ряду, рядом с Олегом. Воротник у меня с одной стороны торчал над пиджаком. Захотелось поправить, хотя теперь это уже ничего бы не изменило.

Татьяна сказала, что нашла снимок дома, когда разбирала бумаги. Я наклонился ближе и вспомнил, как мы устраивались перед съёмкой: Олег задел меня локтем, и я повернулся, когда фотограф уже просил замереть. На бумаге оба смотрели вперёд с таким старанием, будто от этого зависела четвертная оценка.

Ира попросила не закрывать пальцем крайний ряд и сразу уточнила, что это ещё до выпуска. Я хотел возразить, но увидел Александра. Он стоял у самого края, положив ладонь на плечо соседу. Значит, действительно раньше: к выпуску он уже учился в другом месте. Александр потянул снимок к себе, узнал стоявших рядом и улыбнулся, прижав губы.

Сергей спросил, все ли здесь. Я прошёл глазами по рядам и насчитал сорок лиц. Вспомнилось, как трудно было протиснуться между партами с портфелем, когда все уже сидели.

Ира считала, что снимали нас вскоре после переезда в другой кабинет физики. Александр покачал головой: ему помнился прежний кабинет, а на снимке он стоял вместе со всеми. Она напомнила про шкаф, который стоял у окна. Он помнил шкаф возле доски. Я тоже помнил его возле доски, но уверенность исчезла, когда Ира объяснила, с какой стороны падал свет на стеклянные дверцы.

Пока они разбирались, Татьяна передвинула фотографию от соусника. Александр ещё раз указал на свой ряд, не касаясь бумаги, и уступил место Ирине.

Татьяна предложила всё-таки поесть, пока горячее. Фотографию оставили посередине, и к ней продолжали наклоняться через тарелки. Я поднял бокал и коротко сказал о том, как хорошо хоть на один вечер снова оказаться школьниками. Дома и на работе от нас ждут разумных решений, а здесь можно просто посидеть со своими. Витя потянулся чокнуться через стол и едва не задел соусник рукавом.

Серёга поинтересовался, согласились бы мы вернуться, если бы предложили по-настоящему. Ирина ответила, что ей и сейчас неплохо, особенно когда можно самой решать, куда идти после работы. Сергей хотел бы увидеть свой прежний двор, но всю жизнь заново начинать не собирался. Александр сказал, что на один школьный день пришёл бы. Я уже приготовился поддержать его, когда Олег отодвинул пустую тарелку.

— На день согласен. Домашнее задание кто сделает?

Засмеялись даже спорившие о шкафе. Шутку стоило запомнить для рассказа. Олег улыбнулся и начал рассказывать, что теперь по воскресеньям порой до обеда всё собирается позвонить старым знакомым. Потом уже кажется неудобным беспокоить: у людей свои дела.

Ира в это время нашла на фотографии знакомую подробность и придвинула снимок к Александру. Я тоже повернулся к ним. Хотелось понять, где именно нас снимали. Олег ещё что-то сказал про свободный день, но рядом заговорил Сергей, и до меня дошёл лишь конец фразы.

В правой части снимка виднелась открытая дверь. За крайним плечом оставалась узкая полоска коридора. Ира показывала на дверной косяк: в тёмной краске белело пятно. Я узнал его раньше, чем она объяснила. Дерево выщербили при переноске стола; белый треугольник оставался на уровне моей тогдашней ладони. Ожидая урока, я трогал его большим пальцем.

Александр помнил, что скол был выше. Мы прикинули, на какой высоте он был относительно стоявших рядом ребят, но ничего не решили. Я провёл пальцем по скатерти, вспоминая

шероховатое дерево, и потянул снимок поближе. Татьяна попросила придержать сползавший со стола конверт и поднялась: рядом с её стулом была приоткрыта боковая дверь.

Когда нам готовили комнату, официантка брала оттуда тарелки. Я видел за её плечом металлический стеллаж. Татьяна взялась за ручку, собираясь прикрыть дверь, но остановилась и заглянула внутрь. Потом открыла её шире.

Сначала показалось, что свет в соседнем помещении изменился. Он падал из окна на коричневую столешницу, и я успел подумать, что у нас в школе были точно такие. Татьяна отступила на полшага, освобождая проход. За первой столешницей виднелась ещё одна, дальше стояли парты. Между ними оставался проход к открытой двери в коридор.

Виктор, наш электромеханик, встал с другого конца стола и подошёл к Татьяне. Некоторое время он вглядывался в класс, затем указал на дальний косяк.

— А скот-то остался.

Снимок всё ещё лежал передо мной. Виктор не участвовал в нашем споре: пока мы разглядывали край фотографии, он разговаривал с Серёжей. Я поднялся, обошёл Александра и встал рядом с Татьяной. На коричневом косяке за партами белел треугольник. С этого расстояния его было видно лучше, чем на бумаге.

Серёга спросил, куда делся стеллаж. Татьяна ответила, что сама хотела бы знать. Из основного зала донёсся звон посуды. Возле стола пахло жареным луком, а от открытой двери потянуло знакомой мастикой, которой натирали школьный пол. Я посмотрел на ножки ближайшей парты, потом на порог под своими ботинками. Вспоминать этот кабинет за ужином было легко; теперь до него оставался один шаг. Попросив Татьяну чуть посторониться, я подошёл к самому порогу, чтобы рассмотреть комнату оттуда.

Глава 3. Дверь рядом с ужином

Серёга оказался у порога раньше, чем я успел наклониться и разглядеть пол. Он придержал меня за локоть, попросил дать ему место и поставил ногу на доску по ту сторону двери. Надавил каблуком, перенёс вес и шагнул в класс. Подошва скрипнула. Серёга прошёл к ближайшей парте, оставаясь в двух шагах от нас.

Татьяна стояла рядом со мной. Её рука всё ещё лежала на дверной ручке, хотя держать дверь уже не требовалось. С противоположного конца стола поднялась Ирина и спросила, что мы там нашли. Я оглянулся на неё, потом опять на Серёгу. Между нами оставался обычный порог.

Виктор попросил пропустить его. Переступил следом, остановился возле Серёги и положил ладонь на край парты. Провёл по нему пальцами, взялся крепче и чуть качнул. Парта заскрипела. Я знал этот звук: прежде он означал, что с заднего ряда опять мешают слушать.

Виктор повернулся к двери и поискал взглядом выключатель. Сказал, что помнит его справа, а здесь он слева, почти возле косяка. Серёга потянулся было к нему, но Виктор остановил его руку. Света хватало от окна. Они переглянулись, словно собирались решить вполне привычную задачу, только я никак не мог понять, с чего такая задача начинается.

За моей спиной Витя отодвинул стул, чтобы к двери могли подойти остальные. Ира попросила не загромождать ей обзор. Теперь она тоже видела парты и пыталась объяснить Александру, какой это кабинет. Татьяна выслушала начало, затем повернулась к Серёге.

— Сначала обратно попробуй.

Серёга кивнул и пошёл к нам. Я невольно отступил, освобождая ему дорогу. Он перешагнул порог, оказался рядом с Татьяной и направился к своему месту за столом. Серёга отодвинул стул, достал из-под салфетки свой телефон и взглянул на экран. Потом сунул его в карман.

Пока он возвращался, я смотрел на Виктора. Тот оставался у первой парты, положив руку на столешницу. В просвете двери рядом с его плечом виднелась доска. Стоило повернуть голову, и перед глазами оказывалась бутылка на нашем столе. Попеременно смотреть туда и сюда было легче, чем принять всё сразу.

Серёга снова прошёл в класс и остановился возле Виктора. Он не ускорял шаг и не тянулся к нам за помощью. Я спросил, почувствовал ли он что-нибудь, когда возвращался. Серёга ответил, что задел порог носком, а больше ничего особенного не заметил. Потом предложил мне самому пройти, раз уж всё равно стою впереди.

Из основного зала донёсся смех, за стеной передвинули стул. Олег взял со стола свой телефон и показал время Татьяне, спросив, когда нам должны принести остальное. Она машинально ответила, что через несколько минут. Услышав это, я посмотрел на блюдо, с которого ещё поднимался пар. Ужин продолжался. Можно было сесть и дожидаться следующей порции, только теперь за соседней дверью стояла школьная парта.

Я взялся за ручку с внутренней стороны и переступил порог. Доска под ногой чуть подавалась, как под Серёгой, и запах мастики стал сильнее. Я даже посмотрел на ботинки: не остались ли на них жёлтые следы. Виктор подвинулся, давая мне место возле парты, но я пока задержался у двери.

На ручке лежала моя рука с выпуклой веной возле запястья. Рука человека, который только что передавал тарелки одноклассникам и прикидывал, как напишет об этом рассказ. Я отпустил ручку, разжал пальцы и снова посмотрел на парту. В памяти до неё было удобно дотягиваться. Теперь столешница находилась заметно ниже, чем хотелось.

Татьяна спросила, как я. Я ответил, что нормально, повернулся и вышел к ней. Под ногами снова была плитка кафе. После этих нескольких шагов я почти ожидал увидеть себя

другим, однако из кармана по-прежнему выглядывал край носового платка, а к рукаву всё ещё липла белая нитка от скатерти. Снял её и предложил остальным посмотреть.

Олег спросил, можно ли снимать. Я ответил, что не вижу причин, хотя распоряжаться здесь мне никто не поручал. Он убрал телефон в карман, подхватил небольшую сумку и подошёл к порогу. Я посторонился, чтобы ему было лучше видно окно.

Ирина хотела узнать, надолго ли мы собираемся. Виктория ответила, что ей достаточно зайти и посмотреть. Сергей решил взять сумку, чтобы потом не искать под столом. Проверил, плотно ли завинчена пробка, и оставил своё вино рядом с бутылкой Серёги. Я хотел предложить всем ничего лишнего не брать, но Сергей уже перекинул ремень через плечо.

Татьяна попросила оставить пальто на вешалке: мы ведь рядом. Серёга забрал свою куртку со спинки стула и повесил на руку. Он объяснил, что привык держать вещи при себе, и Татьяна не стала спорить. Я заметил свой шарф на крючке возле двери, снял его и накинул на шею. Олег придержал стул, пока я протискивался мимо.

Александр всё ещё стоял возле стола. Он спросил Татьяну, можно ли ему тоже зайти, и тут же посмотрел на фотографию. Он на секунду задержал палец над крайним рядом. Я уже открыл рот, собираясь позвать его с собой, но Александр поправил на спинке свою куртку и подошёл к двери сам.

Витя пропустил Ирину с Викторией, после чего шагнул следом. Серёга придержал для них дверь, хотя она и без того оставалась открытой. Сергей прошёл боком, не желая задеть сумкой косяк. Мне захотелось поставить всех у парт и посмотреть, сохранился ли прежний порядок мест. Эта мысль казалась особенно удачной, пока никто не успел разойтись.

Я вернулся в класс вслед за Александром. Виктор по-прежнему находился у первой парты, но теперь разглядывал её снизу, чуть согнув колени. Серёга ждал рядом. Олег отошёл в сторону окна. Из кафе Татьяна напомнила Ире про сумку, та подхватила её со стула и вошла. Татьяна задержалась лишь затем, чтобы убрать конверт подальше от блюда. Фотография осталась на скатерти лицами вверх. После этого она тоже переступила порог.

Витя потеснился у прохода, уступая ей место. Теперь все двенадцать стояли между партами, и Сергей пристраивал сумку у своих ног. За открытой дверью был виден наш стол. Я попробовал сесть, но колено упёрлось в нижний край столешницы, пришлось отодвинуться и поставить ноги боком. Олег достал телефон и поднял его к доске, на которую падал свет из окна.

Глава 4. Мел на ладони

Олег повёл камерой от доски к окну, задержал её и попросил Виктора не отходить. Я попробовал повернуться на скамье вслед за камерой, но снова задел коленом столешницу. Пришлось встать. Виктор уже выпрямился возле первой парты и теперь смотрел на полочку под доской.

Там лежал короткий кусочек мела. Виктор взял его, покатал между пальцами и откинул за плечо мешавший конец шарфа. Олег подошёл ближе. Я тоже обошёл парту, стараясь не попасть в кадр, хотя пока ещё не представлял, кому и как можно будет показать такую запись.

Виктор коснулся мелом доски. Раздался негромкий стук, затем он провёл короткую черту и отвёл руку. На тёмной поверхности осталась белая полоска. Он посмотрел на неё, потом на свои пальцы. Я подошёл почти вплотную и увидел меловую пыль в складке возле ногтя.

До этого ещё удавалось смотреть на класс как на удивительное изображение. Даже скрип парты можно было связать с тем, как хорошо мы его помнили. Но Виктор держал мел, оставивший след там, где секунду назад ничего не было. Захотелось потереть черту, но я решил дать Олегу закончить съёмку.

Ира узнала царапину на доске и принялась показывать Татьяне, в каком месте мел всегда цеплялся за поверхность. Виктор посмотрел на царапину, не выпуская мел из пальцев. Олег попросил его задержать руку, снял её крупнее и опустил телефон.

Виктор спросил, не стоит ли показать мел в кафе. Серёга стоял у первой парты с курткой на руке и ответил, что сам пока останется здесь. Я пошёл следом за Виктором к выходу. Олег включил запись снова и держался сбоку, чтобы видеть его ладонь.

По ту сторону двери оставался наш стол. Фотография лежала возле конверта, на свободном конце скатерти. Виктор на ходу достал свой телефон и взял его в левую руку. Кусочек мела держал правой, двумя пальцами, так что я видел его до самого порога.

Он переступил на плитку и остановился. Пальцы остались сведёнными, только между ними уже ничего не было. Виктор разжал их над ладонью, посмотрел под ноги, затем провёл большим пальцем по указательному. Белого следа на коже тоже не осталось.

Я наклонился, решив, что кусочек упал. На плитке возле ботинка его не было. Олег попросил Виктора не двигаться и направил телефон вниз. Тот поднял ногу, но искать оказалось нечего. Несколько секунд мы молча рассматривали чистый пол.

— До двери был, — сказал Виктор.

Я подтвердил, что видел. Он поднял левую руку: собственный телефон оставался в ней. Экран загорелся, когда Виктор нажал боковую кнопку. Потом он оглянулся на доску. С порога была видна белая черта, которую он только что провёл.

Олег закончил запись и повернул экран ко мне. Сначала показал доску: в кадре Виктор касался её мелом, оставляя след. Был слышен тот же короткий стук. Олег перемотал запись до выхода в кафе, и мы увидели, как кусочек пропадает между пальцами. Рука ещё не успевала разжаться.

Я попросил вернуть тот момент и посмотрел снова. Получалось, что мел нельзя вынести, зато запись с ним сохраняется за порогом. Пока эта мысль касалась одного маленького кусочка. Проверять таким же способом парту мне не хотелось, да и повода считать, что мы уже разобрались с происходящим, не было.

Виктор вернулся в класс и ещё раз посмотрел на свою черту. Олег убрал телефон в карман. Я задержался у двери, пропуская его, и услышал негромкий разговор возле дальних парт. Сначала решил, что Ира опять объясняет, кто где сидел. Потом различил мальчишеский голос.

Сергей повернулся в ту же сторону. Его сумка стояла возле скамьи, и он перешагнул через неё, чтобы освободить проход. За его плечом я увидел школьника в тёмном пиджаке. Тот сидел боком, подогнув одну ногу, и разглаживал ногтем загнутый угол тетради.

Так делал Серёга. Он мог пригладить страницу, тут же загнуть её снова и повторять это до конца перемены. Я вспомнил, как однажды попросил его перестать: уголок шуршал возле самого уха, пока я пытался дочитать задачу. Теперь этот звук был слышен опять.

Взрослый Серёга оставался возле первой парты. Я обернулся на него, затем посмотрел на мальчишку. У того была знакомая складка над бровью, возникавшая всякий раз, когда он вглядывался в написанное. Захотелось окликнуть его привычным именем, и я позвал.

Он поднял голову. Посмотрел на меня без удивления, словно я просто задержался у доски, и прикрыл ладонью тетрадь. Я остановился возле соседней парты. Подготовленного вопроса у меня не было; я заговорил с ним так, как заговорил бы за столом кафе.

Я спросил, давно ли он был в нашей школе после выпуска. Мальчишка глянул на мою руку, будто ожидал увидеть в ней тетрадь.

— Второй номер решил? Дай посмотреть.

Я машинально опустил глаза. В руке ничего не было. Хотел переспросить, но он уже повернулся к соседу и протянул ладонь к раскрытому пеналу. Рядом стоял ещё один школьник, склонившийся над партой. Тот чуть приподнял локоть, отодвигая пенал, и потянулся к карману пиджака. Я узнал это движение, а потом увидел выбившийся с одной стороны воротник. Мальчишка выпрямился. Лицо у него было моё, как на фотографии, оставшейся в кафе.

Глава 5. Мой прежний возраст

Мальчишка снова засунул руку в карман пиджака и вытащил её пустой. Я стоял возле парты, не решаясь подойти ближе. Хотелось поправить ему воротник, но это было бы странным началом знакомства. Вместо этого взялся за спинку соседней скамьи и попытался вспомнить, сколько мне здесь лет.

Второй рукой он придерживал пенал. Большой палец лежал поперёк крышки, и ноготь был обкусан с одной стороны. Я посмотрел на свою руку: этой привычки давно не осталось. А вот плечо он приподнимал знакомо, словно пиджак немного мешал. В детстве мать просила меня расправить плечи, и я послушно выпрямлялся, пока она смотрела.

Мне помнилось, что тогда я стеснялся просить даже о мелочах. Мог целый урок писать огрызком карандаша, лишь бы не обращаться к соседу. Так я обычно рассказывал о себе, когда разговор заходил о школьных годах. Теперь ждал, что мальчишка спрячет пустой пенал и сядет, делая вид, что всё в порядке. Он посмотрел на Серёгу, который всё ещё разглаживал тетрадь, и протянул руку.

— У тебя запасной есть? Дай до конца урока.

Сказал спокойно, не понижая голоса. Серёга кивнул на свой пенал, но придержал его ладонью, снова спрашивая про второй номер. Мальчишка потянулся к тетради, посмотрел и что-то объяснил, показывая пальцем на строчку. Мне не удалось разобрать объяснение. Я смотрел на его лицо и пытался совместить увиденное с привычным рассказом о себе — робком и молчаливом все школьные годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.